

Та железная кастрюля, что висела над огнем, так и не была снята. Она стояла перед глазами, булькая и выпуская пузыри. Горячий пар поднимался густым белым туманом, застилая Шэнь Цюэ обзор.

В полузабытьи ему почудилось, будто в камеру ворвалась темная, с фиолетовым отливом фигура. Масляные лампы в коридоре тюрьмы вспыхнули одна за другой, и свет, отразившись от вошедшего, ослепил его своей белизной.

Он узнал этого человека.

Это был его Ванъе, его Высочество.

Казалось, кто-то что-то говорил. Рана на плече продолжала кровоточить, а руки и ноги становились все холоднее. Как же холодно, подумал Шэнь Цюэ и слегка согнулся, но нечаянно задел длинный гвоздь, глубоко вонзившийся в кость плеча. Не то от холода, не то от пронзительной боли его затрясло.

Вдруг на него опустилось что-то теплое — лисья шуба укрыла его с головой, окутав ароматом сандала.

Шэнь Цюэ словно наконец обрел покой. Его голова бессильно склонилась набок, и он провалился в тяжелое забытие.

Снова день сильного снегопада.

Дед был горьким пьяницей. Напившись, он по возвращении домой первым делом принимался избивать его и мать. Лица деда Шэнь Цюэ уже не помнил, зато отчетливо помнил, как тот вечно хватал у очага железные щипцы и хлестал ими по его телу.

Шэнь Цюэ с тоской смотрел на мать и не понимал: ведь в городке она купила два мешочка с едой, почему же теперь ест одна и не хочет поделиться с ним? Раньше, когда он находил сладкие ягоды, то всегда оставлял половину, заворачивал в листья и приносил матери.

Но когда мать говорила те страшные слова, она сама плакала. Шэнь Цюэ знал: она просто была доведена до отчаяния, и эта обида, копившаяся днями и месяцами, не находила выхода, вот ей и приходилось винить во всем его.

Когда-то у него тоже были родители в маленькой деревушке недалеко от столицы. В памяти всплывали плетеные заборы, убогие домишки и бамбуковая кровать, которая скрипела при каждом движении.

— Полноценный ребенок? Да он же выродок, ни то ни се! — кричал дед, пиная его ногами. — Надо было утопить его в реке сразу после рождения, принести в жертву духу реки! Зачем держать такое существо на свете? Только позориться перед людьми.

Шэнь Цюэ был в хорошем настроении, держал мать за руку и с любопытством оглядывался по сторонам.

Шэнь Цюэ мучился от жара. На улице стоял лютый мороз, но его собственное тело, обливаясь потом, насквозь промочило нижнюю рубаху. Длинные черные волосы прилипли к влажным вискам.

Когда они вернулись из города, Шэнь Цюэ уже был голоден до головокружения. Он выпил несколько глотков воды у кадки, но стало только хуже. Тогда он толкнул дверь спальни и увидел, как мать, спрятавшись в комнате, что-то ест.

Он то проваливался в сон, то просыпался, и кошмары, сменяя друг друга, заставляли его болезненно сжиматься в комок.

В конце концов мать продала единственную ценную вещь в доме — ту самую железную кастрюлю — и купила два пакетика мышьяка.

Шэнь Цюэ слушал их разговоры, не понимая, кто же из них прав, а кто виноват. Он лишь решил, что самое злое в доме — это железные щипцы у очага, и однажды, когда взрослых не было, тайком выбросил их.

Мать обзывала его немым, проклинала, называя должником, который портит ей жизнь. Она кричала, что из-за него дед спивается и не работает, что из-за него она каждый день терпит побои.

Но стоило ему подойти, как она отталкивала его ногой и цедила сквозь зубы:

— Убирайся вон.

В тот день она сама вела Шэнь Цюэ за руку. Светило ласковое солнце, полевые цветы у дороги казались прекрасными, даже сорняки выглядели нарядно.

Он поспешил к ней, его черные глаза блестели, он указывал пальцем то на свой живот, то на рот. Наверное, она и сама понимала, что ее слова несправедливы, просто ей больше не хотелось жить.

Но потом, когда пьяный дед возвращался домой и не находил щипцов, он вцеплялся в волосы мальчика и бился его головой о стену, а после расправлялся с матерью.

Он бил и, запинаясь от хмеля, ругался:

— Ты, отродье, которому собака язык отгрызла! Только и знаешь, что жрать, жрать и жрать! Какая от тебя польза, если даже слова сказать не можешь!

Мать поначалу всегда заслоняла его собой, вытирая красные глаза:

— Зачем ты ссоришься с ребенком? Что он понимает? Если бы не та ошибка с лекарством, он был бы таким же, как все дети.

Стоило ей возразить, как дед начинал избивать и ее, обвиняя в распутстве, в том, что она плохо следит за сыном, или называл ее блудницей, которая якшалась с деревенским лекарем, из-за чего тот якобы и отравил их сына.

Позже и мать изменилась. Когда дед бил ее, она вымещала злобу на сыне.

Он не уходил, а сидел у порога, перебирая пальцами песок. В комнате было тихо. Живот Шэнь Цюэ время от времени издавал урчащие звуки. Он знал, что мать слышит, но она не обращала на него внимания, сидя на краю кровати и глядя в пустоту.

Через некоторое время мать вдруг присела перед ним, очень нежно погладила по лицу и тихо сказала:

— Гуань-эр, иди побудь на улице. Когда солнце сядет, сходи к дяде на краю деревни. Скажи ему, что мама уснула очень крепко и никак не просыпается, попроси его прийти проверить, хорошо?

Шэнь Цюэ по-детски кивнул. Он был слишком мал и не понимал, что означают ее слова. Но раз мать просила — значит, надо сделать.

Он радостно ухватился своими грязными ручонками за ее пальцы и прижал к груди. Ему хотелось, чтобы мать всегда была такой ласковой, даже если придется голодать.

Видимо, довольная его послушанием, мать вышла из комнаты, завернула в ткань несколько лепешек, испеченных еще до продажи кастрюли, и отдала Шэнь Цюэ. Это была последняя мука в доме, но мать не съела ни кусочка.

Солнце быстро село. Он сидел у кровати матери. Ее губы посинели. Мальчику стало страшно, сердце колотилось, в носу защипало, хотелось плакать, но он терпел.

Он не мог издать ни звука, поэтому просто толкал мать за плечо. Но она не двигалась.

Мать спала слишком долго, совсем как и говорила — никак не просыпалась. Шэнь Цюэ был ужасно голоден, но не смел съесть лепешку. Он должен был выполнить поручение, чтобы

потом, вернувшись, заслужить свою еду.

Он выбежал из дома босиком. Соломенные лапти, которые сплела мать, давно порвались, а старые дедовы туфли лежали в прихожей, но он боялся их надеть, опасаясь побоев.

К тому времени, как он пробежал до дома родственников на краю деревни, его ноги были в крови — он изрезал их о камни и колючки.

Жена дяди была доброй женщиной. Увидев его в таком состоянии, она ахнула и с жалостью запричитала:

— Ой, как же ты побежал без обуви! Где твоя мама?

Она принялась вытирать кровь с его ступней. Этот дядя, как и сам Шэнь Цюэ, был немым, только у дяди это был врожденный недуг. Дядя был хорошим человеком, он научил его многим жестам, и Шэнь Цюэ все помнил.

Он старательно жестикулировал, передавая слова матери. Лицо дяди мгновенно изменилось. Не успев ничего объяснить жене, он подхватил мальчика на руки и поспешил к ним домой.

От дяди исходило тепло, пахло землей и потом. Это напомнило ему деда, но дед никогда не обнимал его, даже смотреть на него ленился. Шэнь Цюэ привык только к дедовым кулакам.

Когда они прибыли, дядя оставил его снаружи, а сам с женой вошел в дом. Как только дверь закрылась, Шэнь Цюэ услышал испуганный вскрик тети.

Позже вернулся дед. Взрослые о чем-то совещались, тетя тихо плакала, а дед пришел в ярость.

В этот момент маленький Шэнь Цюэ наконец открыл сверток, достал лепешку и принялся жадно есть.

На середине пути дед вышиб дверь, выскочил наружу, схватил метлу и начал бить его, крича:

— Проклятый выродок! Совесть у тебя есть? Мать умерла, а ты только жрать и можешь! Ты хоть понимаешь, что это ты ее погубил?

Шэнь Цюэ лежал на земле, пытаясь дотянуться до лепешки, перепачканной в пыли. Он был так голоден, что сердце сжималось от боли.

Дед словно обезумел: он наступил ногой на его руку и с силой вдавил в землю.

— Мать не захотела тебя брать с собой! Почему она не забрала тебя, эту обузу, с собой? Она так ненавидела меня, что оставила мне это бремя!

Дядя и тетя оттащили деда. Они подняли мальчика, и он, сжавшись в объятиях тети, слушал, как она утешает его:

— Не надо, лепешка грязная, брось ее. У меня есть вкусная еда, пойдем к нам, я тебя накормлю.

Не успела она договорить, как Шэнь Цюэ издал тихий всхлип.

Звука не было, только слезы.

Дед его не любил, мать его бросила. Теперь он остался в этом мире совсем один. Как же ему жить дальше?

Се Шигуань впервые видел, как плачет Шэнь Цюэ. Раньше, даже когда его до глубины души обижали, он лишь краснел, и в его глазах блестела влага.

Се Шигуань с любопытством коснулся пальцем его слез — они были теплыми, такими же горячими, как и сам Шэнь Цюэ. От этого прикосновения Шэнь Цюэ вздрогнул и очнулся. Тяжело дыша, он выбрался из кошмара и, подняв голову, увидел лицо — одновременно знакомое и чужое.

Он медленно отпрянул, но человек притянул его к себе еще крепче.

Неизвестно, то ли из-за многодневного жара, то ли от слабости, но у него совсем не осталось сил сопротивляться. Он лишь широко открытыми глазами уставился на него.

Половина его тела покоилась на коленях Линь Се, а слезы, вызванные кошмаром, оставили мокрое пятно на его одежде. Шэнь Цюэ покраснел от стыда и снова попытался оттолкнуть его, вцепившись в руку.

Тот же, с видом оскорбленного достоинства, скривился:

— Только что сам кричал от боли, умолял обнять, а теперь, как проснулся, делаешь вид, что не узнаешь?

Шэнь Цюэ замер, глядя на него с недоверием. Жар все еще мучил его, сознание плыло, и на мгновение он даже поверил, что сам начал все это.

Но в следующую секунду он заметил на лице Линь Се насмешливую улыбку. Ну конечно! Он же немой, как он мог кричать во сне? Линь Се снова его обманывает!

Заметив его гневный взгляд, Линь Се рассмеялся:

— Не обманываю. В твоей комнате нет кушетки, сесть негде, вот я и присел на край кровати. Не успел сесть, как ты сам прильнул ко мне и затих.

Шэнь Цюэ не поверил ни единому слову. Он холодно посмотрел на него и перестал сопротивляться. Выглянув в приоткрытое окно, он увидел лунный свет — холодный, падающий на землю вместе с хлопьями снега.

Он ненавидел этого человека за спиной, но, возможно, из-за болезни или того сна, сейчас, когда Линь Се был рядом, ему стало немного легче на душе.

<http://bllate.org/book/20258/2020491>